

Анна Зегерс

ТРАНЗИТ
РАССКАЗЫ

Annotation

Самое трудное осталось для него позади; во всяком случае, он думал, будто самое трудное уже сделано. Вначале всегда так думаешь. Хотя на деле преодолена только первая трудность, предвестница тех, которые еще ожидают...

- [Анна Зегерс](#)
    - [I](#)
    - [II](#)
    - [III](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Анна Зегерс

Предания о неземных пришельцах

Самое трудное осталось для него позади; во всяком случае, он думал, будто самое трудное уже сделано. Вначале всегда так думаешь. Хотя на деле преодолена только первая трудность, предвестница тех, которые еще ожидают.

Он вздохнул полной грудью. Он приземлился точно в заданном месте, внутри городских стен. Он без труда управлял аппаратурой, вмонтированной в его костюм, как управлял своими десятью пальцами. Одно движение – и он свяжется с друзьями, они ответят ему, а если понадобится, придут на помощь.

Убежденный, что все удастся как нельзя лучше, он совсем не испытывал страха. На прощанье друзья сказали ему: «Если все удастся, ты станешь первым. А если не удастся, мы узнаем, что именно не сработало, и сделаем то, чего не сделал ты. Обещаем тебе...»

Друзья полагали, будто эти слова вдохновят его. Так оно и было. Хотя во втором случае ему, разумеется, не пришлось бы дожить до следующей, до удачной попытки. Но, предвкушая триумф, он просто не допускал, что может никогда больше не жить, ничего больше не переживать.

Он шел открыто и бесстрашно, словно ему не требовалось больше ни мер предосторожности, ни связи с друзьями. Сперва он шел вдоль берега, потом вверх по склону. Долина, окруженная невысокими горами, напоминала гнездо, в центре ее высился одинокий, довольно крутой холм. Вокруг холма раскинулся маленький город. Городские стены впускали извилистую речушку, затем снова выпускали, иона убегала вдаль по равнине.

Страж со своей башни мог видеть далеко окрест, он мог окинуть взглядом и проселок, и большую дорогу, которая вела через подъемный мост в городок. Страж имел право опускать и поднимать мост по собственному усмотрению. Он получил от феодала широкие полномочия. Времена были беспокойные.

Страж не заметил, что кто-то приземлился. Да и с какой стати он стал бы разглядывать обнаженный склон внутри городских стен? За последнюю неделю овечье стадо объело всю траву на склоне до голой земли. Горожанам удалось после долгих просьб и за высокий налог получить от феодала разрешение пасти овец на лугах за пределами городских стен.

Пришелец поднялся по склону. Он услышал слабый шелест,

почувствовал незнакомый освежающий запах и остановился. Какая густая зелень неожиданно подступила к нему, какие зеленые волны катились навстречу!

Он отпрянул, светло-зеленые волны уже смыкались вокруг его колен. А те, что повыше, темно-зеленые, увенчанные белой пеной, готовились сомкнуться вокруг его плеч. Уклоняться не имело смысла. Первая большая волна зелени сейчас захлестнет его. Он был так поражен, что даже не испугался. Волны вздымались попадали. Но они не перекатывались над его головой, и зелень не уплывала прочь. Здесь все приросло к земле. Это был иной лес, нежели те, к которым он привык, и все же это был лес. На родине у него деревья очень высокие, без ветвей, а на вершукке красуются кисти сочных плодов. Здесь ему были внове и кусты, и подлесок, и тонкие трепещущие былинки, и цветы были внове, желтые, белые и голубые цветы, которые кроткими и тревожными глазками выглядывали из травяных волн, и пеноподобных соцветий на кустах он раньше не встречал. А зайдя глубже в лес, издававший такой аромат и такой шелест, заметил сквозь листву яркие блики света, и тогда он запрокинул голову, увидел клочки голубого неба и понял, что весь этот свет льется от их единственного солнца. Выйдя из лесу, он увидел над долиной само солнце, и удивление его сменилось бурной радостью.

Не вершина холма, как ему показалось вначале, – вонзалось в сизый воздух словно высеченное из вершины строение с зубчатыми стенами и множеством башен. Для наблюдения за небом и землей, решил он.

Вдруг из города в сторону леса, ему навстречу, вышла процессия жителей. Сейчас он узнает, какие они. Они шли группами и поодиночке. Он пригнулся за кустарником, разглядывая живые существа, которые медленно поднимались на вал по каменной лестнице. У них были длинные и тяжелые одежды. Тела их показались ему тщедушными. Но, насколько он мог судить, эти люди во многом походили на него. Только выглядели очень слабыми. Возможно, они больны и что-то затрудняет их восхождение – то ли одежда, то ли телесная слабость. Ростом они не карлики, но и не великаны. В строении тела и в походке нет ничего чуждого глазу, разве только какая-то хилость. Во всяком случае, ему будет легче, раз они такие, какие есть.

Поблизости раздался гул, одновременно и глухой и звонкий, двойной звук, в котором одна составная часть подгоняла другую. Звук не умолкал, он приводил в трепет все живое – и его тоже. Тут он обнаружил между деревьями какую-то красноватую каменную массу. Дорога и лестница вскоре опустели. Стало так тихо, словно вся долина вдруг вымерла.

Он уже начал осваиваться на новом месте. Встреч решил не искать, но и не уклоняться от них. Друзьям он сообщил, что приземление прошло благополучно. Всего лишь несколько минут назад первое сообщение представлялось ему чрезвычайно важным, это был как бы залог связи, которая никогда не прервется. Теперь же для него, замороженного всем, что он здесь увидел и услышал, поддержание связи стало всего лишь обязанностью. Снова раздался двойной гул, гнетущий и возбуждающий одновременно.

Из красноватой постройки донеслись какие-то новые звуки, наполнившие его тревогой, как ранее шелест. Но звуки эти, не порожденные лесом, не испугали его. Они бодрили, вселяли чувство надежды, словно ему вторично удалось совершить приземление. И вдруг они смолкли, и опять вступил двойной гул, гнетущий и возбуждающий.

Теперь он осмелился высунуть голову из кустов и оглядел все здание целиком. Оно показалось громадным по сравнению с крохотными домишками. А когда из него снова потекли толпой жители города, тщедушные, слабые, в остроконечных шапках, он задал себе вопрос, зачем им может быть нужна такая постройка.

Кто-то спускался к нему мелкими прыжками, так быстро, что он уже не успел спрятаться. И он вышел навстречу.

Они чуть не столкнулись. Это была девушка. Голова у нее была туго повязана белым платком. Чтобы заглянуть ему в лицо, ей пришлось запрокинуть голову.

Ни разу еще он не видел таких глаз – таких прозрачных, таких бездонных. Ни разу еще ни на одном лице не видел он такого сияния. Девушка хотела ему что-то сказать, но сначала лишь беззвучно шевелила губами. Она притронулась пальцем к его рукаву, однако, коснувшись стеклянно-гладкой, твердой ткани, отдернула руку, будто обожглась. Он понял, что сияние на лице девушки – просто отблеск его собственной одежды. Губы у нее еще несколько раз вздрогнули, прежде чем она собралась с духом и заговорила:

– Я знала, что ты придешь. Как быстро ты спустился! Я своими глазами видела, как ты сошел с неба!

Он спросил в безмерном удивлении:

– Ты видела?

– Да, – отвечала девушка, – даже отец и тот мне не поверил, хотя он ждет, ждет, ждет. Так же сильно, как я, еще сильнее. Его жена, а моя мачеха, говорила, правда, будто я видела обычный звездный дождь.

– Это напоминало звездный дождь?

– Ах нет. Не для меня. Крылья – они и есть крылья.

Теперь он погладил ее по голове, голова под его рукой была теплая, будто птица.

– Как тебя зовут, девушка?

– Мария.

– Кто я, по-твоему, такой?

– Один из тех семи, что стоят пред господом. Не ты ли Михаил?

– Зови меня как хочешь, зови меня Михаилом. А кто такие эти семь? И кто такой господь?

– Меня ты не проведешь, – ответила девушка с лукавой усмешкой. Она все еще была бледна, все еще дрожала. – Я знаю, ты пришел от Него.

Он сказал:

– Но ты никому в этом городе не должна говорить, что я пришел.

– Нет, – сказала девушка, – я расскажу своему отцу. Только ему. Ведь он так страстно ждал. Было бы жестоко скрыть от него, что ты воистину пришел. Ему так трудно далось ожидание. Над ним многие смеются. Пойдем, я покажу тебе такое место, где ты сможешь спокойно отдохнуть, пока я не приду за тобой и не отведу к отцу.

Она шла впереди него через лес, вверх по склону, вниз по склону.

– Вот смотри, наша овчарня, – сказала девушка. – Она пустует. Овцы на летовье. Я сейчас принесу тебе плащ моего отца. А потом я отведу тебя к нему в мастерскую. Отец работает и днем и ночью. Ты пойдешь?

Он ответил:

– Конечно.

Итак, удалось не только приземление, но и контакты с живыми существами. И все получилось само собой. Как хорошо это вышло! Девушка показалась ему такой близкой, будто их встреча не была первой. А сам он, что удивляло еще больше, отнюдь не показался ей страшным, напротив, она приняла его как долгожданного гостя. Словно визит из другого мира – для нее привычное дело. И как хорошо они понимали друг друга! Значит, не зря он заучивал каждое слово, каждый звук их языка. Может, его примут за чужеземца, который прибыл после долгого пути из дальних стран.

Он передал сообщение: «Все в порядке, я остаюсь». Ответ пришел тотчас: «Будем ждать в условленном месте».

Он вышел из пустой овчарни. Без всякой тоски поглядел на звездное небо. Скорее даже с облегчением, ибо теперь он был здесь. Найдя точку,

которую искал, он оторвал взгляд от неба и перевел его на равнину. Равнина простиралась за городской стеной до отдаленной цепи холмов. Нашел он и затерявшееся среди лугов овечье стадо, о котором толковала девушка.

Он уже узнавал ее шаги. При виде его она снова задрожала от радости. Она принесла плащ своего отца. Плащ доставал ему до бедер – как накидка. Девушка сновала вокруг, гибкая, как котенок оглядывала его с ног до головы.

– Теперь ты будто рыцарь, только еще прекраснее. Они пошли. Лунная тень поглотила тень девушки. Если днем он дивился свету солнца, пробуждавшего все живое, теперь его заворожил свет их единственной луны. Все было в серебре. Он увидел вблизи строение и башню, с которой несколько часов назад доносился двойной гул. Он сказал:

– Мария! Там, вверху, моя родная звезда.

Губы у нее дрогнули, прежде чем вымолвить ответ:

– А я думала, ты сошел с семизвездия.

– Почему?

– Потому что вас семеро, и у каждого своя звезда.

– Семеро? Почему? На этот раз нас двадцать три.

Ошеломленная девушка сделала рукой какой-то непонятный ему знак. Она сказала:

– Так много! Представь себе, он и на этот раз не хотел мне верить. Он холодно сказал: «Если твой пришелец желает говорить со мной, приведи его ко мне в мастерскую до рассвета».

Они обошли большое строение кругом. Кто мог жить за дверьми, через которые совсем недавно прошло так много людей? Все они вместе со своим городом могли бы там уместиться. И что это блесит в углублении над аркой? При зыбком свете луны он не мог разглядеть...

Девушка провела его вдоль стены, к боковой дверце низкого деревянного домика. Сквозь щели был виден свет. Слышался визг рубанка и стук молотка. Ему пришлось нагнуться, чтобы следом за ней пройти в дверь.

Звонким, прерывающимся от волнения голосом она сказала:

– Вот он.

Маленький человек поднял голову от верстака. Его фартук и борода были покрыты пылью. Он осмотрел пришельца темными, внимательными глазами, без удивления, без недоверия, лишь с напряженной пытливостью. И спокойно сказал:

– Я мастер Маттиас. Дочь рассказала мне о вас. Она говорит, вы прибыли издалека. И зовут вас Михаил. – С болезненной усмешкой он

добавил: – Девочке показалось, будто вы сошли с неба.

Лицо у него было озабоченное и бледное, такими пришелец и представлял себе местных жителей. Ходил мастер с трудом, чуть прихрамывая. Он принес вина, разлил его по стаканам и сказал:

– Итак, Михаил, добро пожаловать. Он выпил за здоровье своего гостя, а гость медленно, смакуя, совершил свой первый глоток со времени приземления.

Мастеру он дал такой ответ:

– Твоя дочь права. Я пришел издалека. Ты тоже не встречал еще человека, который пришел бы из такой дали. Да. Она права. Я прибыл с другой звезды.

Бородатый человек внимал ему, опустив глаза, и молчал. Он привык к удивительным гостям из чужих стран. Говорящим на необычном языке. Приходили учителя и ученики, привлеченные его славой. Больше всего его последним творением, алтарем, представляющим Тайную вечерю. Вокруг этого творения уже завязались горячие споры. Ибо этим алтарем он заявил о вере, которую исповедовал, более недвусмысленно, чем мог бы заявить целой проповедью.

Много исполненных решимости мужей готовы были сплотиться вокруг него. За свою общую веру и свое право. Они сознавали, что их вера воплотилась в этом творении. Мастер давно уже ожидал гостя. Быть может, именно этого гордого и высокого гостя, что стоит сейчас перед ним. Речь его звучит необычно. Он употребляет необычные слова. Он, без сомнения, очень учен. Язык ученых и схоластов изобилует выражениями и притчами, которые простой человек может понять, лишь хорошенько над ними помудрствовав или будучи заранее посвящен в их тайный смысл. Надо быть начеку, когда имеешь дело с их феодалом, владыкой долины, и со всеми его приверженцами в городе и окрестных замках. Стоит ему подать знак со своей башни – и весть побежит от деревни к деревне, в соседние замки. От одного союзника феодала к другому. И они пришлют своих вооруженных людей.

Маттиас объяснил гостю, в чем состоит опасность. Гость напряженно слушал. Он понимал отдельные слова, но не постигал смысла. Тогда он сказал, с трудом подбирая слова, таким языком, который показался мастеру вычурным и темным:

– Более тысячи лет назад, если считать по вашему Солнцу, здесь приземлилась наша первая группа. Она тут же была вовлечена в губительные войны. Когда позднее у вас приземлялись другие группы, по-прежнему множество городов стояло в огне. На основе донесений мы

пришли к выводу, что речь идет о войнах между кочевыми и оседлыми племенами. Оседлые земледельцы, как я вижу, одержали победу и заново отстроили свои города.

Маттиас подумал: «Должно быть, он говорит о нападении гуннов. Какая дикая мешанина из схоластических мудрствований и достоверных фактов!» Гость же продолжал:

– Мы провели изыскания. Мы знаем, что у вас до сих пор не прекратились войны. Но знать и пережить самому – это не одно и то же.

Мастер поддержал его:

– Справедливо. Это совсем другое. Мы воображали, будто знаем точно, что произойдет, когда с амвонов и в домах станут читать Библию на нашем языке. Мы говорили себе: теперь конец феодалу, пришло царство Божие. Мы говорили себе: слово божье неопровержимо. И что же мы видим? Его опровергают.

Когда господин, которому принадлежит и замок, и сам город, и леса, и поля за городской стеной, увидел, что божье слово может свидетельствовать и против него, он пришел в неслыханную ярость. Правда, наш священник – мужественный человек. Он хранит верность богу. Он не искажает слово божье. Но не заточат ли его в темницу? Если войско феодала войдет в наш город, нас всех могут убить. Да поможет нам всемогущий бог!

Гость скрывал, что ему не все понятно. Мастер Маттиас лучше понимал слова Михаила или по меньшей мере думал, будто понимает их, нежели Михаил понимал слова мастера.

Михаил спросил уклончиво:

– Почему ты боишься превосходящих сил врага? Раз ты уверен, что твой высший повелитель, который сильнее всех, никогда не оставит тебя?

Маттиас живо отвечал:

– Я хочу говорить с тобой открыто. Ты сам сказал: знать и пережить самому – не одно и то же. Я знаю, господь никогда меня не оставит. Но, если мне доведется это пережить, все может оказаться совсем иным, нежели я, жалкий сын человеческий, мог предвидеть. Сегодня, в преддверии испытаний – быть может, против нас уже выступило войско, – я начинаю смутно понимать смысл слов: «Он никогда меня не оставит». Если я истинно в Него верую. Он до последней минуты пребудет со мной. Под пыткой и на смертном одре. Он не оставит меня, значит, и я Его не оставлю. Тебе понятно?

Они забыли о девушке. На лице ее сияние надежды сменялось тенью разочарования. Поверит ли ей отец хоть теперь? Михаил – ангел господень.

Он ведь сам сказал: я пришел со звезды.

И однако в голосе отца все еще звучало сомнение. Она не знала человека, более преданного богу, чем ее отец. Он всякий раз, нахмутив лоб, пресекал болтовню мачехи. Та была сестрой матери Марии, которая умерла ее родами. Отец почти все время жил либо у себя в мастерской, либо по соседству, в большом помещении, где хранил и шлифовал готовые работы. Там он также принимал студентов, школяров, посланцев из других мест, приходивших к нему за советом, с тех пор как Библию стали читать на немецком языке, гонцов от крестьянства и от горожан. Последнее время речь все больше шла об опасности, которая грозит им всем, если войско феодала подойдет раньше, чем крестьянское. Но Мария не понимала, чего теперь бояться отцу, когда перед ним стоит Михаил, ангел господень.

Отец сказал:

– Ступай к матери, Мария, пусть она приготовит трапезу. У нас гость.

Михаил последовал за мастером, но замер на месте. Глаза его приковались к занавесу, отделявшему малую мастерскую от большой. Ничего не понимая, глядел он на мягкие краски ковра, затканного золотом, – «Охота на единорога под престолом богородицы».

Мастер Маггиас объяснил:

– Тридцать девушек три года ткали этот ковер. Он означает то, о чем говорил апостол Павел: «Дабы они искали бога, не ощутят ли его».

Михаил спросил изумленно:

– Тридцать девушек? Три года? Зачем? Почему?

Он подумал: «Слова я понимаю. По звучанию. Смысл их скрыт от меня».

Он не мог оторвать глаз от занавеса. Мало-помалу он отыскал на нем белое лицо, развевающиеся одежды, цветы. Глазам его понадобилось много времени, чтобы выделить эту картину из переплетения синих, зеленых и красных нитей. И вот картина перед ним, но в ней нет жизни, а лишь только в ней мелькнет жизнь, сама она исчезает. На его звезде им и в голову не пришло бы ткать подобные ковры. У них бы не хватило на это ни времени, ни сил.

Он последовал за мастером в большую мастерскую. Здесь сумрак мешался с красноватой древесной пылью – той самой, что покрывала фартук и бороду мастера. Мария торопливо зажгла две свечи перед алтарем букowego дерева, ожидающим здесь окончательной шлифовки. Мастер с гордостью наблюдал потрясение на лице своего гостя. Глаза гостя засверкали счастливой растерянностью.

Тут мастер радостно вздохнул и в эту минуту, когда его творение

отразилось на лице Михаила, забыл все свои горести и все страхи последних дней.

Михаил осторожно потрогал голову Иоанна, покоящуюся на груди Спасителя, складки одежды, лоб и рот, он коснулся также руки Иуды, протянутой к солонке. Он отступил. Он спросил:

– Что это?

Мастер Маттиас ответил:

– Тайная вечеря, моя последняя работа. Я принесу ее в дар церкви Святого Иоанна.

– Но как ты сумел это сделать? – спросил гость в глубочайшем изумлении.

– Господь вложил в меня дарование, – спокойно ответил мастер, а я с детства учился.

– Но зачем это нужно? Для кого?

– Я не понимаю тебя. Во славу Божию, на радость и поучение нашей общине. Иисус, Иоанн, Иуда – люди могут узнать здесь их лица. Многие вознегодуют. Ну и пусть наконец негодуют те, кто вечно вызывал негодование у нас своими грязными делами, подлыми приказами, налогами, всяческими притеснениями, предательствами, доносами, – они сразу смекнут, кто такой Иуда, предавший и предающий бога, истинного нашего повелителя...

Через едва заметную дверь в задней стене вошла худая женщина. Она была жена мастера. Казалось, она состоит из одних костей. За едой после каждого куска Михаил устремлял пристальный взгляд на резной алтарь.

– Я понимаю вас, – сказала женщина, – это лучшее из того, что он до сих пор создал. А у вас есть такой мастер?

– Нет, нет, – отвечал Михаил. – У нас нет мастера, который мог бы сделать такой алтарь. И таких работ у нас тоже нет.

– Что же тогда у вас есть?

– У нас вообще нет ничего подобного. Ни такого, что напоминало бы это резное дерево, ни такого, что напоминало бы этот тканый занавес. У нас – я уже говорил мастеру – разум и руки используют, чтобы строить то, что полезно: машины, мосты, плотины. Благодаря этому мы сумели изыскать средства и возможности, чтобы попасть с нашей звезды на вашу.

Худая женщина пожала плечами:

– Ну да, конечно, запруды, и плотины, и бороны, и плуги, и все такие вещи нужны и здесь. Но муж мой, Маттиас, в большом почете – злятся лишь его враги – за то, что создает произведения искусства, которые славят творца и дарят человеку счастье в его горестях. Да вы и сами не отводите

глаз от алтаря. Скажите, кто вас к нам прислал?

– Как я уже говорил мастеру, мы не первые, кого наша звезда отправила на вашу, с тех пор как мы научным путем установили, что здесь обитают живые существа.

Жена Маттиаса начала снова:

– А я думала, вас прислали из какой-нибудь мастерской, ибо мы здесь хорошо знаем, что и в других местах есть мастерские, и великие мастера, и великие произведения искусства.

– Так ты называешь работу мастера Маттиаса искусством? Нет, на нашей звезде ничего подобного нет. А потому нет и таких мастерских. Наши знания и наши силы нужны нам для других свершений. Для того, например, чтобы прилететь к вам.

Девушка подумала: «Я права, он прилетел с неба, он прилетел».

Маттиас подумал: «До чего глупа моя дочь. Как может ангел прибыть со звезды столь убогой, что там даже не знают искусства?»

Он сказал:

– Лучше тебе уйти, пока не явились ученики. Я должен сперва подготовить их к твоему прибытию.

Мария увела гостя. Покуда можно было, он не отрывал взгляда от резного алтаря.

Небо побледнело, звезды исчезли. В первый раз он почувствовал пусть еще не тоску по родине, но отчужденность, словно что-то неведомое угрожало ему после того, как он уже повидал столько неведомого. Он передал сообщение: «Ни при каких обстоятельствах не покидайте места встречи».

Мария спросила:

– Ты расскажешь на небе о том, что умеет мой отец?

– Конечно, – ответил Михаил, – но ты должна сказать мне, как это у него получается. Скажи мне, почему он не бросает работу, хотя и знает, что ему грозит большая опасность?

Мария воскликнула:

– Бросить работу? Он? Сейчас? Когда сам господь повелел ему завершить алтарь собственными руками?

– Я предвидел, – сказал Михаил, – что на вашей планете творятся всякие ужасы. Что вы все еще не отвыкли от крови и убийств. Но я не знал, что, несмотря на это, вы способны создавать творения, подобные тому, которое создал твой отец.

– Послушай, Михаил, колокола звонят. Я должна вернуться. Мы живем

в великом страхе. Сейчас начнется богослужение, и мы будем просить бога отвратить от нас беду.

Как хорошо пахла мякина, на которой Мария приготовила ему ложе. Он спал бы долго и глубоко, не разбуди его срочное сообщение от товарищей: «Немедленно улетай. Войско выступило. Скоро загорится город».

Когда он пришел к мастеру Маттиасу, там было уже большое волнение. Собрались ученики, друзья, священник. Звонарь утверждал, будто с колокольни видно облако пыли, сгустившееся там, где равнина упирается в горную цепь. Какой-то молодой паренек высказал мнение:

– А может, это наши! Они всегда действовали быстрее.

Звонарь сказал:

– Мне надо идти. Я дам вам знать, как только разгляжу людей и пойму, чье это войско.

Мастер Маттиас молчал, лицо его было сумрачным, а пастор сказал:

– Будем надеяться, что это наши. Будем готовиться к тому, что это враги.

Когда Михаил вернулся в лес, чья-то рука вдруг легла ему на плечо, а другая схватила за локоть: два друга из его экспедиции.

– Чего ты мешкаешь? Немедленно возвращайся с нами.

– Нет, – отвечал Михаил. – Я не могу. Я не хочу. Здесь живет мастер Маттиас. Здесь живет его дочь Мария. Сердце мое отдано им. Я не оставлю их без совета и помощи.

– Мы тебя не понимаем... Что значит «мое сердце отдано им»? Кто они такие – этот Маттиас, Мария? Какое тебе дело до их врагов? Перед отлетом мы давали клятву. Мы никого не бьем. Мы никого не убиваем. Мы ничего не сжигаем. Мы должны разведать, что происходит на этой звезде. Вот твоя задача-разведка.

Михаил тихо ответил:

– Дайте же мне разведать, что произойдет не далее как сегодня.

– Хорошо. Даем тебе еще несколько часов. До прилета на Землю Михаил считал невозможным унизиться до уровня тех существ, которые защищаются с помощью оружия.

Но как спасти мастера Маттиаса? Теперь мастеру не поможет его умение создавать из дерева людей. Умение, которым не наделен ни один обитатель звезды Михаила.

Из уст в уста пронесся слух, что за облаком пыли скрывалось не дружественное войско, а объединенное войско феодалов. И перед ним

опустился подъемный мост. Часть горожан сразу устремилась в церковь, словно то было неприкосновенное убежище. Дома уже стояли в огне. Занялось все, что не из камня. Мастерская мастера Маттиаса и в ней его грандиозный последний труд.

Сперва держа Маттиаса за руки, потом надев на него цепи, солдаты принудили его наблюдать гибель мастерской и великих творений. Он смотрел и смотрел неотрывно, и даже не заметил, что подле него прикорнула Мария. С кошачьим проворством она проскользнула через кольцо вооруженных людей и прильнула к отцовским коленям. Она совсем не смотрела в огонь, она смотрела на его мертвенно застывшее лицо. Она осталась с ним рядом – как одинокий листок на ветви. Михаил и его спутники подняли обоих в воздух – вырвали из кольца врагов и перенесли к месту посадки.

Они все еще были в плену человеческих страданий, хотя уже далеко от бушевавшей на Земле жажды убийства.

Лишь теперь Михаил догадался снять цепи с Маттиаса. Мария по-прежнему сидела, прильнув к ногам отца, как раньше, на базарной площади.

Время от времени кого-нибудь из двоих заставляли глотнуть воды. Маттиас совсем не воспринимал окружающее. Он сидел оцепенелый, хотя и живой, с закрытыми глазами. Мария дрожала всем телом. Она зябла, врач экспедиции не отходил от них ни на минуту. На воздушном островке они совершили временную посадку. Мария не испытывала ни удивления, ни страха. Она только закрыла глаза. Волнение оказалось для нее чрезмерным. Вскоре она перестала дрожать. Врач экспедиции, как это принято говорить на Земле, сделал все, что было в его силах. И однако Мария умерла. Возник вопрос, то ли набальзамировать маленький труп, чтобы показать дома, как выглядят земляне, то ли отправить ее в просторы Вселенной.

Михаил, с присущим ему упрямством, сумел убедить всех, что Мария принадлежит ему. И что ему непереносима мысль уступить ее жадным взглядам любопытных. Пусть уходит во Вселенную.

На деле Мария была мертва не так, как полагали живые. Ее сердце неожиданно совершило еще один могучий толчок. И она вдруг обрела способность летать, как летают ангелы – легко и свободно. Вселенная оказалась сплошным вихрем золотого воздуха. В этом воздухе, который она могла вдыхать полной грудью, рассветно-золотом, денно-белом, закатно-красном воздухе сосредоточились все ее желания. И не только сами желания, но даже исполнение желаний воплощалось для нее в этом полете,

о котором она мечтала еще на Земле. Она кругами уходила в небо, туда, откуда сошел к ней Михаил. Она слышала хоры, несравнимые с теми, которые слушала на Земле. Ее собственный голос, нежный, но сильный, звучал совсем по-другому, чем он когда-либо звучал на Земле. И ее счастьем – жизнь и смерть воедино – не было конца.

Вернувшихся разведчиков встретили бурным ликованием и по поводу удачной высадки на планету, именуемую Земля, и по поводу благополучного возвращения.

Врач не подпускал никого из безмерно любопытствующих к мастеру Маттиасу. Не подпускал он их и к Михаилу, ибо тот казался ему чересчур утомленным.

Мастер Маттиас едва дышал, но был жив и продолжал жить еще некоторое время, правда безмолвно и неподвижно. Тщетно пытался Михаил, не покидавший мастера, добиться от него хоть одного слова, пробудить его к жизни. Да и Михаила, к великому удивлению друзей, тоже нельзя было заставить хоть вкратце рассказать о своих впечатлениях. Впечатлениями поделились только два его спутника: кровь, огонь, война – все это почти не отличалось от рассказов предыдущих экспедиций. О творении Маттиаса они ничего не могли сообщить, ибо, когда они прибыли, алтарь уже горел. Да и церковь, охваченная огнем, рухнула у них на глазах – остались лишь обломки каменной стены. А беженцы считали ее неприкосновенным убежищем...

Молодой ученик, любимец Михаила, подготавливавший вместе с ним и многими другими экспедицию на Землю, часто приходил к своему бывшему учителю, хотя тот оставался замкнутым и безучастным. Если даже ученику порой удавалось вырвать у Михаила несколько слов, смысл их был темен.

Зато самому Михаилу удалось расшевелить мастера Маттиаса, и, хотя он успел отвыкнуть от человеческого языка, он в конце концов понял, что мастер желал бы перед смертью еще немного заняться резьбой. Михаил достал для него дерево, какое здесь было.

Он отгонял всех, кто теснился вокруг, чтобы вблизи наблюдать за поведением землянина.

Вскоре Михаил догадался, что возникает из дерева: Мария, она, Мария. Он угадывал строение ее хрупкого тела, неповторимый наклон головы, девичье лицо, молящее и в то же время исполненное благодарности. Мастер Маттиас очнулся от своего оцепенения. Хотя и

дерево, и инструмент были для него непривычны, потребность облечь в зримую форму свои воспоминания оказалась так сильна, что вскоре волосы его снова покрыла древесная пыль, словно в мастерской на Земле.

Другим его работа казалась утомительной и бессмысленной возней с деревом. Может быть, один только любимый ученик Михаила почувствовал, что жители Земли таким способом выражают себя, только таким способом, до последнего вздоха.

Маттиас и Михаил обменивались порой тяжелыми взглядами и понимающе кивали друг другу.

Мастер Маттиас просил:

– Похороните меня вместе с дочерью.

Фигура была еще очень далека от завершения, когда мастер Маттиас во время работы заснул вечным сном.

Он решительно не желал быть сожженным после смерти. Он хотел навсегда остаться рядом с дорогой его сердцу, но еще недоступной для глаз непосвященных фигурой девушки.

Однажды, много лет спустя после того, как умер Михаил и его любимый ученик тоже, гроб Маттиаса вскрыли. Вскрыв, изучили его скелет и с удивлением обнаружили, что он почти такой, как скелеты живущих на их планете. Сохранился и кусок дерева с какими-то зарубками. Никто не мог понять, что из него собирались сделать.

Молодой, на редкость искусный пилот – он был назначен в очередную экспедицию – долго ломал голову над этим куском. Он ощупывал его. Он пронзал его своими мыслями. Но ему не удалось доказать, что он не ошибается, как утверждали его друзья, что действительно из куска дерева должна была возникнуть фигура девушки.

Он собирался лететь по тому же маршруту, как некогда Михаил. Он хотел выяснить все, что ему поручено, и одновременно уже для себя узнать, имеются ли на планете Земля подобные куски дерева, иными словами – в этом он не сомневался – будущие фигуры, и если имеются, то для чего они служат. Он сказал себе, что смерть помешала резчику закончить работу. Резчик обладал разумом. Разумом другого склада, Нои в его мозгу гнездились побуждающие к действию мысли.

Много лет подряд все, в том числе и молодой пилот, работали над подготовкой новой экспедиции. Все было точно рассчитано, усовершенствовано, перепроверено.

II

Еще до приземления им удалось установить, что старые донесения были справедливы, да и теперь еще соответствовали действительности. Намеченный тогда для изучения город выгорел дотла. Подобно муравьям, копошились в развалинах живые существа, занятые, должно быть, его восстановлением. Разведчики пролетели над дымящейся нивой, над горящими или догорающими городами и деревнями, где точно так же, словно в разоренном муравейнике, копошились живые существа.

Увидели они несколько новых, широких, утрамбованных дорог, по которым в разных направлениях сновали до удивления схоже одетые и тяжеловооруженные земляне. Они забирали у нивы все, что еще годилось к употреблению. Часть их верхами или в пешем строю очень быстро подступала к большому многобашенному городу. Молодой разведчик избрал этот город для приземления. Вооруженные жители дозором стояли на стенах. Мужественные земляне, подумалось ему. Они, верно, и не подозревают, как близко и как многочисленно войско, выступившее против них. Почему выступило войско, он не понимал. Не понимал он также, почему город защищается. У них все равно не хватит оружия. Это было видно уже сверху.

Молодой разведчик, как и положено, передал донесение. Он здоров, чувствует себя нормально. Сперва он бесцельно слонялся по узким кривым улочкам, каких не было – на его звезде – Кров он нашел скоро. На вывеске стояло: «У трех лебедей». Должно быть, это какая-нибудь гостиница. Многие жители города, бродившие по улицам, показались ему встревоженными и бездомными. Он сообщил друзьям, что устроился там-то и что у него все в порядке – ибо чувствовал он себя отменно. Полным сил, замыслов, готовым ко всяким неожиданностям.

Хозяйка «Трех лебедей», решив, что гость прибыл издалека и поэтому должен немедля подкрепиться, послала к нему служанку с пивом и множеством всяких кушаний. Он глядел, как девушка – а может, это была замужняя женщина? – расставляет перед ним стаканы и миски. Ему понравились ее черные волосы и светлые глаза. Хотя лицо девушки было мрачным от недоверия, она порой начинала смеяться словам гостя, и смех этот весело отдавался у него в ушах. Она не отшатнулась, когда он взял ее за руку и более чем учтиво поблагодарил. Едва она закрыла за собой дверь, в городском воздухе разлился звон, какого он еще никогда не слышал. То не

был сигнал, то не было предостережение, и однако в звоне слышалось и то, и другое. Но прежде всего – могучий, потрясающий сердце призыв, обращенный ко всем вместе и к каждому в отдельности.

Он припомнил скупые донесения первого разведчика, которого на Земле прозвали Михаилом. Михаил тоже слышал с одинокой башни двойной звук, угрожающий и одновременно вселяющий надежду. В этом городе звук доносился со многих башен. Люди бежали навстречу звону, забыв свою работу, а может быть, страдания и радости тоже.

Он спустился по узкой, делавшей два витка лестнице. Вдруг он был уже на улице – перед ним возникла служанка. Она схватила его за рукав и старалась приладиться к его шагам. Ее объяснений он не понял. Понял только, что она умоляет взять ее с собой. Лицо у нее было робкое, хотя порой она казалась ему хитрой и даже наглой. И скорее уж он последовал за робко-наглой девушкой, чем она – за ним.

Они остановились перед величественным порталом. Туда все еще текли толпы народа. Вблизи звон вызвал дрожь даже у него. Он не понял, как возникает этот звон, звон шел с башни, вырастающей из здания. Девушка пробормотала какие-то непонятные слова. Она закрыла платком лицо. Она старалась не привлекать внимания ни к себе, ни к нему. Его это устраивало. В просторном помещении не оказалось комнат, оно было разделено высокими колоннами. Внимание его привлекла фигура женщины возле одной из колонн, в одеянии, ниспадающем складками, и с младенцем на руках. Женщина с улыбкой смотрела на младенца, младенец же смотрел только на него, пришельца. Воспоминание пронзило его мозг. Правда, такого он никогда в жизни не видел, но он видел нечто подобное или могущее стать подобным.

Его спутница скользнула прочь. Она сделала рукой и коленями непонятное ему движение. Потом она вернулась. И тут в глубине здания родилось многоступенчатое звучание, порой тяжеловесное, порой легкое и нежное. Снова дрожь пробежала у него по спине. Это звучание волновало больше, чем прежний звон. Должно быть, его рождали человеческие голоса. Он увидел на лестнице ряды мальчиков в черном и белом, мальчики запевали, округлив губы, порой громко, порой тихо, порой все вместе, порой группами. Он подумал: «Чего только не умеют эти земляне!» И еще подумал очень отчетливо, как вообще привык думать: «Все, чему нас учили о Земле, неправда. Да, с воздуха я видел, что их поля опустошены, что большинство городов выгорело, что на пороге новая война, которая скоро придет в этот город, и тогда он задохнется в огне и крови, нас точно оповестили обо всем прежние экспедиции. Но о многом они умолчали. О

том, что на этой Земле созданы такие чудеса, каких у нас нет и в помине. Здесь есть все – и ужасное, и чудесное, но как может сосуществовать и то и другое, я пока не могу понять».

Девушка потянула его за рукав, чтобы незаметно увести. Он не понял, почему она порой выступает так гордо, порой так пугливо, почему она закрывает платком свое красивое лицо.

Вечером она принесла ужин ему в комнату. Она оставалась у него столько, сколько он захотел. Ее любовь показалась ему приятной. Она спросила: «Как тебя звать?» Он ответил первое, что пришло в голову: «Мельхиор». Он слышал, как хозяйка на лестнице выкрикнула кому-то это имя. «А тебя?» – «Катрин».

На следующий день он слонялся по городу. Вдруг перед ним возникли двое из его спутников. Они посоветовали ему немедленно вернуться с ними. На подходе большое войско, а жители ничего не подозревают. Мельхиор отвечал, что непременно хочет задержаться. Едва произойдет нападение, он тотчас присоединится к ним. Спутники называли его упрямым, забиякой. Обещали высадить его по желанию в другом месте. Ведь и в городе, которому не угрожает враг, можно собрать не менее ценные сведения.

Он повел их по улицам, привел в церковь. Он показал им женщину из ожившего камня. Он спросил: «Есть у нас что-нибудь подобное?» – «Нет. Нам это ни к чему. А кстати, и здесь все это скоро будет разрушено».

Он настоял на своем решении провести в осажденном городе по меньшей мере еще одну ночь.

Манили пестрые фонарики, пение, крики. Катрин привела его на базарную площадь. Всевозможные лавки с утра до вечера навязчиво предлагали горшки и кружева, ложки и платки и всякую необходимую в хозяйстве утварь. Встречались балаганы, где предсказывали будущее. И такие, где плясали и пели и выделывали всякие фокусы. Это было место, созданное для шума и веселья... Люди вскоре столпились вокруг Мельхиора, ибо стекло, внезапно извлеченное им из кармана, отбрасывало на ближайшую стену пестрые картины. И еще у него была коробочка. Стоило какому-нибудь человеку глянуть в прорезь коробочки. Мельхиор нажимал кнопку, и из нее выскакивало изображение этого человека. И другие диковинные фокусы показал он людям. Сперва зрители были ошеломлены, потом они заволновались.

Катрин шепнула:

– Ты настоящий чародей.

Кто-то спросил:

– А женщина, которая жметя к нему, уж не Катрин ли?

И другой ответил:

– Да, это Катрин, беглая ведьма.

Тут Катрин шепнула:

– Бежим отсюда. Скорей!

Люди не успели ахнуть, как Мельхиор обхватил ее, рывок – и они взмыли высоко над городом. Катрин громко вскрикнула от радости.

С воздуха они увидели, что приближается грозное войско. Они слышали предостерегающий рев труб, но уже были в безопасности. Им ничто не угрожало. Даже тогда, когда после бесплодных переговоров в городские стены полетели ядра и горящие факелы. Любопытства ради они еще раз описали круг над городом. Языки пламени уже лизали деревянные дома. Напуганная Катрин с облегчением. Цеплялась за Мельхиора. Она все время твердила: «Господи, какой ты искусный чародей».

Мельхиор спросил:

– А что они хотели сказать, когда называли тебя ведьмой?

– Ведьма я никудышная, – ответила Катрин. – Соседка однажды посоветовала, чтоб я села на помело, повторила заклинание, которому она меня научит, и тогда, мол, я полечу – я гожусь для этого дела. А я в ту пору была бы рада-радехонька избавиться от злого мужа, чтоб не лупцевал меня с утра до вечера. Я все сделала, как велено, с помелом и с заклинанием, но ничего не вышло, потому что меня застигли на месте преступления. А когда меня вели к судье, мне удалось бежать. Я добралась до соседнего города и поступила служанкой в трактир... Зато ты – ты взаправду умеешь колдовать. Ты и летать умеешь. Ты тоже оттуда, сверху?

– Да, – сказал Мельхиор и затрясся от смеха. – Но теперь нам пора приземляться.

Они вместе опустились на равнину. Там, где скрещивались три дороги, войска разбили большой лагерь, в сто раз больше и многолюднее, чем базарная площадь. Среди скопища солдат, собравшихся со всех концов земли, солдат орущих, играющих в карты, дерущихся, торгующих, пляшущих, скачущих, подхватывающих – кто кого перекричит – песни на гортанных и певучих языках и бряцающих всевозможным оружием. Мельхиор не привлекал внимания. Да здесь ничто и не могло бы привлечь внимания. Его летный костюм можно было принять за один из многих диковинных мундиров. Здесь один рядился в латы, другой – в бархат. Один был в шляпе с перьями, другой в сверкающем шлеме. И никому здесь не было дела, ведьма Катрин или не ведьма и откуда взялся Мельхиор. В этом столпотворении все было не важно. Лишь порой раздавалась отрывистая команда им пронзительный свист. И тогда сбивались в кучу люди, одетые

одинаково. Мало-помалу установился относительный порядок. Солдаты перестали петь, пить, толкаться. Лагерь снимался с места. Офицеры с золотыми и серебряными цепями отдавали короткие приказы.

Вдруг кто-то схватил Мельхиора за руку. Опять спутник. И сказал:

– Уходи как можно скорей. А женщину бери с собой, если уж тебе так хочется...

Катрин не поняла их разговора, но, когда Мельхиор объяснил ей, чего требует друг, она не стала перечить, а, наоборот, обрадовалась. Может, это и будет тот адский полет, который давно уже возбуждал ее любопытство. Она ни вот столько не верила попам, когда те утверждали, будто ее удел-плач и скрежет зубовой. А любой полет с Мельхиором – это самое настоящее волшебство.

Но Мельхиор ответил спутнику, что об окончательном отлете пока нечего и думать. Он уж начал постигать действия и уловки землян. А как исследователь, он дал слово постичь их до конца.

Спутник на него рассердился. И они порешили на том, что Мельхиор будет через равные промежутки времени подавать о себе вести. А другой со своей стороны обещал всякий раз немедленно отвечать ему.

Мельхиор вторично поднялся с Катрин в воздух. К этому времени лагерь почти опустел. Одичалые с виду солдаты расходились по разным направлениям, в конном и в пешем строю.

Если бы кто-нибудь случайно поднял голову к небу, он принял бы крохотную, быстро удаляющуюся точку за ястреба. Но кто стал бы сейчас глядеть в небо? Катрин радовалась, что у нее такой друг, Катрин вообще легко радовалась.

Много часов летели они над опустелой землей. Поля были уже начисто вытоптаны, леса вырублены, дотлевали остатки деревень, городские стены сровнялись с землей, а развалины давно перестали дымиться. Если и были там раньше люди, они либо сгорели в своих домах, либо спаслись бегством. Мельхиор подумал: «Обойди мы всю эту страну, мы и тогда бы не увидели больше».

Он спросил Катрин о причине такого опустошения. Один раз она ответила: «Потому что здесь все были евангелической веры». Второй – «потому что здесь все были католики». Мельхиор не понял ни первого, ни второго.

Наконец они приземлились в зеленой, холмистой местности. Здесь были луга и лес. И несколько хуторов. И нечто вроде замка, какими их знал Мельхиор по старым донесениям. Не было только владельцев замка. Ручей,

который показался Мельхиору очень веселым после огромных пространств выжженной земли, вращал мельничное колесо. Но мельник с семьей бежал. Может, они разделяли веру своего господина. Катрин говорила, что здешний феодал принадлежал к евангелической церкви. Мельхиор опять не понял смысла ее слов. Зато он смыслил в мельницах. Здесь они и осели.

С хуторов и из соседней деревни приходили крестьяне, привозили зерно для помола. Плату нежданый мельник получал свежим хлебом. Получали они также овощи и яйца. Порой и курицу. Катрин здесь очень полюбили. Когда она понесла, крестьянские женщины принялись давать ей советы. Так они и жили – ни худо, ни хорошо. А Мельхиор начал более или менее понимать, какова земная жизнь на самом деле.

Каждое воскресенье они с Катрин проделывали неблизкий путь до деревни. Люди думали, они ходят в церковь ради своей веры. Всякий раз он с изумлением слушал церковное пение. И внимательно изучал все, что еще сохранилось здесь из картин и резьбы. Почему расписные некогда стены были покрашены белой краской – этого он не мог понять. Лишь молодая женщина с младенцем – здесь тоже была такая, только из дерева, а не из камня, – осталась невредимой. Пожалели, думалось ему, а потом, может быть, и ее уничтожат. Эти земляне глумятся над собственным мастерством, хотя умеют делать такое, чего никогда не умели на его звезде. Как часто в неразумии своем они уничтожают чудеса, сотворенные их же руками! Правда, Катрин утверждала, будто в этой чистой, белой церковке сподручнее молиться.

С помощью соседок она произвела дитя на свет. Младенец родился красивый и здоровый.

Однажды Мельхиора навестил товарищ по экспедиции. Хотя Мельхиор регулярно передавал сведения и получал ответ, он был не только удивлен визитом, но и обрадован. Гость не привлек ничьего внимания, ибо давно уже на мельницу со всех сторон стекались люди, отчасти из-за того, что им нужна была мука, отчасти из-за того, что по свету шла молва о золотых руках самого мельника. Он чинил им сломанный инструмент, он делал более совершенный. Мельница стала местом встречи для всех желающих отвести душу.

Мельхиор велел своему гостю держаться незаметно.

Гость сказал:

– Твои донесения я передаю. Мы регулярно сообщаем тебе нужные сведения. Но теперь мой тебе совет – доставь свое донесение лично.

Мельхиор ответил неуверенно:

– В следующий раз.

Вечером в тихом воздухе разнесся звук рожка. Звук этот заставлял вздыхать от счастья.

– Вслушайся, – сказал Мельхиор, – это играет мальчик-крестьянин. Как настоящий артист.

Мельхиор успел уже понять, что означает это слово. Он продолжал:

– Не могу постичь, как они здесь до этого додумываются, хотя знают, что война у дверей. У нас никто бы так не сумел.

– У нас для этого нет ни времени, ни охоты, – ответил гость. – У нас совсем другие задачи. Были и есть. Разве иначе ты мог бы здесь высадиться? А я – прилететь к тебе в гости? Наши мысли и наша сила нужны нам для других дел.

По ночам Мельхиор искал на небе ту звезду, которая была его родиной. Теперь он не мог бы сказать, что не испытывает более тоски по ней.

Не мог бы он и сказать, что по-прежнему не испытывает скуки. Пастуший рожок перестал удовлетворять его. Он тосковал по человеческой сутолоке, по могучей музыке, которую слышал однажды в давно сгоревшем городе.

Он знал, что примерно в одном дне полета отсюда есть большой город, еще пощаженный войной.

– Хорошо, что тебе снова пришла охота полетать, – сказала Катрин.

Они оставили дельных молодых людей присматривать за мельницей, им же они доверили и ребенка. А сами улетели. Сказали, что отправляются искать родных.

Сперва было счастье подъема и свободного парения в воздухе. Но через несколько часов полета над выжженной землей, где одни обуглившиеся деревни и пустота, ничего, кроме пустоты. Мельхиор подумал: «В этой пустыне даже самый быстрый полет бесцелен».

Наконец на горизонте показались городские башни. Скоро Мельхиор с Катрин опустились в дым, в людскую толчею. Город был самый большой из всех, какие Мельхиор видел раньше. Толпы беженцев смешались с коренными жителями.

Они устроились на постоялом дворе. Мельхиор тотчас сообщил о своем новом местопребывании. Но прежде чем с его звезды могли подтвердить прием, Катрин увлекла его в собор. Там как раз начинали играть на необычном серебряном инструменте, который Катрин назвала органом. Орган этот был известен далеко окрест. В соборе шло евангелическое богослужение.

Музыка неистовствовала. Мельхиор слушал как замороженный. Пели

не только мальчишки-хористы – вся община поднялась с колен и запела. Даже Катрин, словно кто-то заколдовал маленькую ведьму неожиданными звуками, то горестными, то радостными, тихонько вторила поющим.

Когда они вернулись на постоялый двор. Мельхиор принялся ждать ответа. Ответа не было. Он настойчиво взывал к своему другу и спутнику, который последним навестил его. Друг тоже не отозвался. Как будто передача Мельхиора не достигла цели.

На постоялом дворе он прислушивался к болтовне людей. Оказывается, город уцелел благодаря хитрости феодала, умевшего ладить со всеми – и ни с кем.

Мельхиор весь обратился в слух, когда при нем заговорили об одном старом ученом, который живет в этом городе и по велению феодала изучает движение звезд с помощью необычно сильной зрительной трубы.

Поскольку и на следующий день Мельхиор, несмотря на неоднократные передачи, не получил ответа, он решил посетить старого ученого. У старого ученого были зоркие, молодые глаза. Он привык к самым удивительным посетителям. Он позволил Мельхиору поглядеть в подзорную трубу, но она оказалась не сильнее, чем труба Мельхиора.

После некоторых раздумий Мельхиор осмелился спросить у старика, не заметил ли тот каких-либо изменений в определенной части неба. Старик даже обрадовался вопросу. Значит, на сей раз к нему явился не праздный посетитель, а человек, который разбирается в таких вещах. Не придворный, которому хочется узнать будущее по расположению звезд, а внимательный наблюдатель. Ученый ответил:

– Да, немного времени тому назад на небе вспыхнул неожиданно сильный свет, словно зажглась сверхъяркая звезда. Этот свет я наблюдал и в следующую ночь. Теперь свет погас, но все это могло повлечь за собой некоторые перемены. Мне, однако, до сих пор не удалось их обнаружить.

Мельхиор подумал: «Вероятно, этот свет вспыхнул именно в то время, когда я летел сюда и когда слушал орган. Быть может, он повлиял и на судьбы моей родной звезды – вот почему я не могу ни передать донесение, ни получить ответ».

Наконец он спросил:

– А какова, по-вашему, причина?

Старый ученый отвечал:

– Я при всем желании не могу ответить на ваш вопрос. Мой повелитель наверняка решит, что то было знамение божье для него. Я же говорю вам открыто: я этого покамест не знаю. Мои предшественники были неразумны и суеверны, однако они добросовестно отмечали

движение звезд. В их записях нет ни слова о подобных вспышках. Нам понятна лишь некая часть природы. Причины и последствия этого явления выяснятся позднее. После долгого молчания Мельхиор сказал:

– Возможно, на той звезде обитают живые существа, которые знают больше, чем мы.

Старик рассмеялся.

– Возможно, возможно. Ты ведь евангелической веры, не так ли? Природа лишь здесь, на Земле, создала условия для жизни. Или ты веришь во второе грехопадение? И второе пришествие?

Мельхиор ответил:

– Говорить лишь здесь мы можем только сейчас. Исходя из того, что нам известно...

– Из того, что нам известно, – спокойно повторил старик.

Выйдя от ученого. Мельхиор сказал себе, что теперь он навсегда остается на Земле, без какой-либо связи, без какой-либо надежды на ответ, без какого-либо задания. Теперь он лишился родины.

Катрин испугалась, увидев его лицо, и тогда он признался:

– У меня так болит сердце, словно оно расколосось надвое.

Они полетели обратно над опустошенной землей. Он думал: «Ну почему, почему земляне своими руками все уничтожили?»

Зеленая цепь холмов с лесами и лугами, с ручьем, который вращал мельничное колесо, – здесь их ждал покой после долгих часов полета над опустошенной землей.

Мельхиор подумал: «Возможно все. Земля зазеленеет снова. Что же, потом ее снова выжгут и она снова зазеленеет? А что там у меня на родине? Впрочем, у меня нет больше родины. Связь прервана. Не навсегда ли?»

Молодой мельник с радостью принял предложение Мельхиора взять на себя заботы о мельнице. Мельхиор, чьи силы таяли день ото дня, лишь немного подсоблял ему. Чтобы зарабатывать на жизнь, он чинил крестьянам всякий инструмент или изобретал для них новый. Соорудил он и ткацкий станок для Катрин. Ибо выяснилось, что она превосходно умеет ткать. По совету Мельхиора, она впрядала в свои ткани многоцветные узоры, даже изображения людей и животных. Скоро ее ткани прославились и полюбилились во всей округе.

Мельхиор слабел на глазах. Как ни пытался он установить связь с друзьями на родной планете, ему ни разу не ответили. Звезда, правда, была видна на небе, но сама она не посылала сигналов и не отвечала на сигналы

Мельхиора.

Они жили со своим ребенком неподалеку от мельницы, в нерушимом покое. Только стук мельничного колеса да щебетанье ребенка – вот и все, что они слышали с раннего утра до позднего вечера.

Порой Катрин украдкой поглядывала на мужа, исхудалого и бледного, и тихо спрашивала:

– Почему ты больше не занимаешься колдовством? Не делаешь хотя бы те маленькие фокусы, которые показывал однажды на ярмарке? Пестрые картинки, умевшие плясать и кувыркаться. Мельхиор отвечал:

– Нет у меня больше охоты колдовать.

– Ах, если бы мне хоть разок еще полетать, – причитала Катрин. – Или ты забыл заклинание, чтобы подняться в воздух?

– Забыл.

Мельхиор подумал: «Быть может, мой спутник видел вблизи, что произошло с нашей звездой. Быть может, он и сам был на ней с моими донесениями. А потом произошло нечто, нарушившее нашу связь. Иначе он уже давно дал бы мне какой-нибудь знак или побывал у меня».

Он снова и снова пытался передать им свои донесения и поймать их ответ с помощью маленького прибора, который постоянно носил на себе под рубашкой. Катрин тайком поглядывала на этот прибор. Он напомнил бы Катрин морскую раковину, доведись ей хоть раз в жизни увидеть такую. С узкой щелью, из которой доносится глухой рокот. Порой Катрин думала, будто это свисток, Мельхиор дует в него, и ему отвечают изнутри таким же свистом.

Теперь он не выпускал прибора из рук. Говорил в него какие-то слова и тщетно ждал ответа.

Жизнерадостность и веселая проказливость давно его покинули. Хотя Катрин нежно пеклась о нем, а мельник и кое-кто из соседей старались подбодрить. Мельхиора снедало одиночество. И он медленно угас, когда осознал, что его донесений никто не слышит и что ответа ему никогда не дожждаться.

Катрин, как умела, зарабатывала себе на жизнь. Красота ее увядала. Но все женихи казались ей жалкими по сравнению с ее чародеем.

А вот дочь – та цвела. Всякий невольно улыбался, завидев ее. Даже угрюмые и сонные крестьяне радовались, когда она плясала и пела. Она была нежная, но сильная и поднимала, словно перышко, тяжелые корзины. А ткать и вязать она вскоре выучилась лучше, чем Катрин. Если она пела в церкви, голос ее, подобный роднику, всегда выделялся из хора.

Она была еще очень молода, когда для нее сыскался муж, здоровый

крестьянский парень. За работой он любил петь вместе с ней. Он распахан много целины. Она народила ему много детей. Три сына помогали отцу в работе, две дочери вышли замуж. Младший сын уродился беспокойный. Он прослышал, что далеко отсюда, на равнине, все выглядит совсем не так. Люди там живут рядом, дом к дому. Его влекло туда неудержимо. Он ушел и как в воду канул. Один из братьев решил разыскать его. Он тоже покинул дом.

Катрин чинила платица внучат или сидела праздно, задумавшись. Или перебирала несколько вещичек, которые берегла с прежних времен. Шнурок, которым частенько подпоясывался Мельхиор, несколько бумажек, исписанных, как ей казалось, волшебными письменами, и тот прибор, который он всегда носил при себе и который она в шутку называла «свисток Мельхиора». После того полета в город он с горестным лицом прислушивался к «свистку» день и ночь. Ответа не было. И не навещали его больше незнакомые гости. Мельхиор безответно ждал на своем ложе. Он словно не мог постичь, что прибор онемел. Это безответное ожидание, как думалось теперь Катрин, и свело его под конец в могилу.

III

Катрин была уже очень стара, дождалась уже правнуков, когда дочь однажды застала ее за разговором со старыми вещами. Катрин объяснила дочери, что эта шкатулка, или как ее иначе назвать, должно быть, священна. В ней, надо думать, украшение из какой-нибудь часовни или кусочек раки какого-нибудь святого. Пусть дочь хранит эту шкатулку и сыну своему накажет хранить. Хоть нынче и не заведено поклоняться мощам, эта шкатулка принесла счастье всему их роду, что видно и по здоровым детям, и по богатой усадьбе. Дочь слушала с удивлением. Она поверила матери.

Между тем люди все больше обстраивались. Одна деревня не отстояла теперь так далеко от другой. И всюду с похвалой говорили о потомстве Катрин. Считалось великой удачей заполучить в мужья или в жены парня или девушку из ее рода. Крестьяне или ткачи, каменщики или маляры, а то и учителя – все они безотказно выполняли свою работу.

Конечно, и в этой семье попадались исключения, как попадают они всюду, – с течением времени семья так распространилась по всему краю, что далеко не каждый ее член знал толком о существовании других родственников. Вот почему не так уж бросалось в глаза, когда кого-нибудь из них вдруг охватывало непонятное, мучительное беспокойство. Так, к примеру, один спокойно и терпеливо прожил добрую половину жизни со своей семьей и своим ремеслом. И вдруг его словно осенило, что он забыл о чем-то очень важном и должен немедленно отправиться на поиски. Он оставил своих близких и свое ремесло и пропал на чужбине. Жена плакала, а спорить у них было не заведено. Они всегда жили дружно. Она искала, без усталости искала его след, но не нашла. Другой многие годы безмятежно жил в мире и согласии с домочадцами, с соседями. Его охотно приглашали на свадьбы, ибо в игре на скрипке, в пляске и пении он не знал себе равных. Но вдруг он сделался молчаливым, поначалу просто хмурым, потом злобным и ожесточенным и все смотрел в угол. Казалось, он тщетно ждал чего-то.

Но такое случалось не часто. Да и страна была вновь густо заселена. Теперь уже потомки Мельхиора вообще ничего не знали друг о друге.

Однажды в амбар, несмотря на строгий запрет родителей, прокрался мальчик. Здесь стояла укладка, которую никому не разрешалось открывать, ибо в ней хранились искусно изготовленные приборы и прочее диковинное

наследство. Вдвойне соблазнясь именно потому, что ослушание грозило суровой карой, мальчик рылся в укладке. Он извлек какой-то похожий на раковину предмет и поднес его к уху. И вдруг ему почудилось, будто он слышит последовательный ряд звуков, высоких и низких. Он удивился, прислушался внимательнее, но больше ничего не услышал.

Если этот предмет не сломался давным-давно, еще настанет, быть может, такой день, когда он снова зазвучит в руках у того, кто будет к тому времени его хозяином.

1973

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)